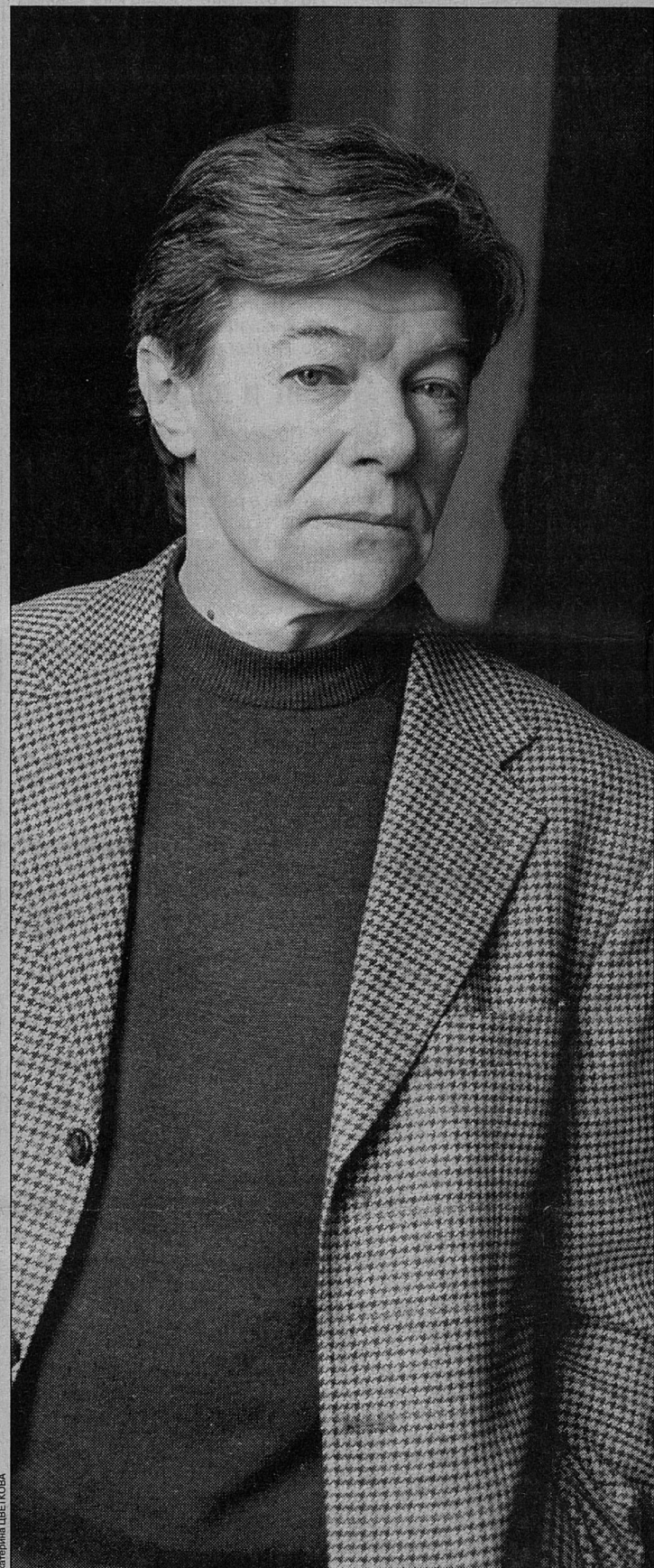

Учитель для меня — это глаза матери

Александр ЗБРУЕВ: Марк Анатольевич мне говорит: сейчас вы уже имеете право вообще ничего на сцене не делать

Отношение актера с деньгами — это отношения с ветреной барышней, которая сегодня есть, а завтра — кто знает, какое у нее будет настроение. К тому же у мужчины спрашивать про деньги — все равно что у женщины про возраст. Эта тема в разговоре с Александром Збруевым не обсуждалась. «Я снимался у Кончаловского в «Ближнем круге», Сталина играл, а на роль Берии был приглашен голливудский актер. Когда я узнал, что у него в контракте значится сумма около миллиона долларов, честное слово, стал заикаться. Наши актеры — дармовая сила», — это он не мне сказал. Но я знаю, что у Збруева есть квартира на Тверской, машина на зависть, а в кармане дорогого пиджака он носит сотовый телефон. Хотя в ресторане ТРАМ, лицом которого Збруев является и по чьей идее в здании «Ленкома» был открыт центральный ресторан актеров Москвы, никаких дивидендов он не получает — это я тоже знаю. Интересно, играл ли когда-нибудь известный, преуспевающий артист Александр Збруев только из-за денег? Вот таких его работ я точно не знаю.

ЖИВАЯ НАТУРА

Ирина КОРНЕЕВА

- Почему вы все же пошли работать не в Вахтанговский, а в «Ленком»?

— Я туда не очень вписывался. У театра был свой возраст, вахтанговцы даже фактурно были другими. А «Ленком» был молодежным театром. И на тот момент «звезд» у них не было вообще: были великие артисты, которых тогда называли. Бирманя я не застал. Серову застал, но она работала эпизодически, в смысле — то работала, то не работала. Было царство Гиацинтовой, она была первой актрисой, но уже очень тогда пожилой... Когда я попал в «Ленком», Анатолий Васильевич Эфрос пришел сюда из Детского театра. В театре Сергей Львович Штейн ставил спектакль «До свидания, мальчики» по Балтеру и начал репетировать его с актерами, сейчас уже даже не помню, какими. А Эфрос когда пришел, сказал: «Да у вас же в труппе Збруев!» и заменил главного исполнителя, сразу дал мне роль. Мы играли с Ольгой Яковлевой. Последние десять-пятнадцать репетиций вел Эфрос, выпускал «До свидания, мальчики», и спектакль этот очень хорошо прозвучал... Вот меня часто спрашивают: а кто ваш учитель? Учитель для меня — это глаза матери. Город, Арбат, переулочки арбатские. А по большому счету, как мхатовцы говорят о Станиславском, для меня учителем стал Эфрос. Великий режиссер.

— А после Эфроса?

— После Эфроса в театре был провал, пришел к нам такой режиссер, с которым, что называется, лучше и не работать. И я «лучше и не работал»: то в кино снимался, то уезжал куда-то. У меня с ним совсем не сложилось. Он был партийным ставленником, до этого где-то в Китае работал. И вот он стал ломать театр Эфроса и делать из него такой комсомольско-коммунистический. Взял «со школьной скамьи» некоторых артистов, после 4-го курса здесь же в театре вступивших в партию и ставших неприкасаемыми: их жизнь в театре определялась не талантом, а принадлежностью к коммунистам. Эта была их крыша.

— А вас, наверное, в партию и не звали...

— Кого, меня? Вы смеетесь, что ли? Хотя это действительно смешно, когда сейчас говоришь, что я не был даже пионером. Ну не был и не был, ну и что... Но тогда это был нонсенс: не быть пионером, не быть комсомольцем и быть вне партии в партийном театре. Раньше ведь на партийных собраниях решали, какой должен быть репертуар и кто будет играть в спектаклях. Меня до сих пор это возмущает, и я по сей день с трудом общаюсь с этими людьми — некоторые из них и сейчас в театре работают.

Приход Марка Захарова, конечно, очень многое изменил. Он поменял коммунистический настрой театра и стал делать его авторским, аншлаговым. Дерзал. Захаров очень необычный и очень талантливый человек. Его кто-то любит, кто-то не любит, его можно принимать, не принимая. С ним не соскучишься. Он изобретатель. Хотя сейчас у него свой стиль появился, от спектакля к спектаклю его можно угадать, но все равно он бездонный. Я все жду: он придумает, что мы в космос взлетим, все вместе с театром.

— А что вы думаете по поводу своих несчастных земных встреч с классикой?

— Понимаете, в чем дело... Я позорно мало играю. Позорно мало. Но мне совсем не хотелось бы, чтобы наша беседа превратилась в жалобу. Если бы я был жалден до ролей, я бы, наверное, очень страдал и переживал от этого. Но я сам по себе не жадный. Я также, как и все актеры, тщеславный, но что-то во мне есть нетеатральное: ну не получил роль, ну и ладно. Это не лень, нет. Меня можно представлять как артиста кино. Но как об артисте театра, я даже не знаю, что можно сказать. Театр — это другой организм. Здесь, по-видимому, нужно то, чем я не обладаю. Я говорю не о пробиваемости. Ко мне вроде нормально и хорошо относятся и труппа, моему, и Марк Захаров. Возможно, я не настойчив, не умею постучаться в дверь и сказать: вот надо бы мне эту роль сыграть. Я никогда этого не делал, для меня это омерзительно, противно. А некоторые, может, так и не делают, но заранее угадывается, что вот-вот он сейчас постучит в дверь, лучше дам-ка я ему роль сразу... Я никого не осуждаю при этом.

— Вам оvation в «Мудреце»

играть не мешают? Почти после каждой вашей реплики вам зал их устраивает.

— Это нормально: обмен энергетикой происходит. Я выбросил из себя энергию, и тут же все мне вернулось обратно. Мне, например, легче сыграть два раза подряд «Школу для эмигрантов», когда со сцены не уходишь от начала до самого конца, чем один раз «Варвара и еретика». Потому что самое страшное для человека — неизвестность. Когда знаешь, откуда ждать удара, психологически готовишься — возможно, только подсознательно — организм сам справляется. А здесь — улетел куда-то и ничего взамен не получил... Я, разумеется, не об аплодисментах сейчас говорю. Иногда тишина зрительного зала бывает дороже аплодисментов. Я о том, что тебя заряжает. А в «Варваре и еретике» ты где-то там под потолком, да еще плохо освещен; в свет попадешь — ну и хорошо...

— Какую «сверхзадачу» во время репетиций «Варвара и

еретика» перед вами ставил Марк Захаров?

— Он мне все время говорил: сейчас вы уже имеете право, Александр Викторович, вообще ничего не делать. Вот вы просто вышли — и полная статика. Не повышая голоса, не проявляя темперамента, ничего... И вот я так (через смех) — И.К.) ничего и не делаю...

— В «Ленкоме» женские и мужские гримерные находятся на одном этаже. И перед каждой дверью висит табличка с шестью-десятью фамилиями: даже у народных СССР и лауреатов Госпремии нет отдельных «именных» кабинетов, где можно было бы «войти в образ» в уединении. Считается излишней привилегией?

— Нет, просто никто никому не мешает. Ведут себя все прилично, потом не обязательно же все одновременно заняты. А когда собираемся здесь вместе перед спектаклем, наоборот, это замечательно: хоть пообщаемся. Грим

Досье «ВМ»

Природа таланта: несуетная. «Он удивительно прекрасно играет добрых, хороших людей, которые ничего особенного не совершают, но одно их присутствие вносит гармонию в нашу жизнь», — писали про Збруева в буклете бюро пропаганды советского киноискусства.

Отношения с властями: первые пять лет его жизни прошли в ссылке. Отца, зам. наркома, расстреляли в 37-м. Матери — актрисе — позволили родить ребенка в Москве и с грудным младенцем сослала как жену врага народа под Рыбинск. В коммунальный Арбат с мамой Збруев возвращался уже в «сознательном» возрасте. С тех пор: не был, не участвовал, не состоял.

Платоническая любовь: Театр Вахтангова. От его дома до театра Вахтангова 100 метров. Там работал и до сих пор работает его старший брат — актер Евгений Федоров. Збруев ходил туда на все премьеры, причем приглашал с собой весь двор. Его и «артисты» — на экзамены в Щукинское училище — провожали всем арбатским двором. Вахтанговскую актерскую школу он постигал на курсе В. Этуша и в своей любви к Театру не устает признаваться во всех интервью. Но... в 2001 году исполнится 40 лет, как А. Збруев работает в театре «Ленком».

Театральный парадокс: за это время у А. Збруева было только четыре встречи с классикой: Боркин в «Иванове» Чехова, Клавдий в «Гамлете» Шекспира, Городулин в «Мудреце» по Островскому и мистер Астлей в «Варваре и еретике» по Достоевскому.

Отношение к славе: нордическое.

ведь у нас несложный. Я, например, практически не гримируюсь, да и в нашем театре у мужчин вообще это как-то не принято.

— Зато у актеров принято спрашивать, как они готовятся к спектаклю. Вы за сколько времени до начала приходите в театр?

— Я прихожу нормально — за полчаса. А насчет подготовки... Например, я знал, что для того, чтобы сыграть Клавдия, я должен быть физически сильным и здоровым человеком.

— Зарядку накануне делали?

— Зарядку-то я и сейчас делаю. Мне ощущение мышц нужно было. Никакого обжорства себе не позволял. В том решении должна была быть подтянутость, хотя Клавдий, как считается, любил поесть. А мой Клавдий этим не страдал. Я не мог позволить себе лишнего бутерброда съесть.

Разговаривая со мной, Александр Збруев направляет свет всех настольных ламп с примерного столика на свое лицо: движение совершенно бессознательное — профессиональная привычка. У обычного человека глаза слезиться бы начали, Збруев же становится как будто моложе; оператор из него получился бы хороший.

— После фильмов про войну «Батальоны просят огня» и «Пядь земли» вы говорили, что во время съемок повзрослели на много лет. Обратные случаи были, когда работа годы убавляла?

— Есть определенная дорога, начертанная режиссером и автором, но именно ты идешь по ней, ты — и никто другой. Играешь ли ты хорошего, плохого, убийцу, любовника — кого угодно, но это ты играешь со своими нервами, со своим «я», с тем, что тебе мама с папой подарили, с тем, что тебе дано, если дано, сверху. Поэтому моложе-старше не становишься. На меня действует все. Какая сегодня погода, кто в зале сидит, раздражает меня это или не раздражает, люблю я их сегодня или нет, и вообще, почему горячей воды не было с утра и почему я никак не могу дойти с звонком! Нужный звонок, а я вот третий день не могу дозвониться. Вот с этим ненавижу кино — это немощно другое. Когда «Батальоны просят огня» или, например, фильм «Пядь земли» про войну пять месяцев снимали, про пять месяцев мы и воевали. Грязь вокруг, прешь по настоящему зловонному, чудовищному болоту. А тебе говорят: да мы вон там досочки положили, ты давай легонечко, за кустик держись... Отдашь никакой и в помине нет. В театре я хоть пошлю энергию в зал, и она ко мне тут же вернется обратно. А здесь чего? Какой-то мазохизм: ты, человек с Арбата, живешь сегодня насколько возможно комфортно, и вдруг — в болоте. Как тебе из него выбраться? Даже внутрен-

ний кайф появляется. Потом и в этом болоте все равно же есть какая-то сверхзадача: нужно не просто выбраться, говоришь себе, а выбраться для того, чтобы встретить на том берегу ту самую любимую, которую ты не видел пять лет. Это движет. Но за этим наблюдают режиссер, оператор и двое рабочих, которые на тебя свет направляют, и им сухо и хорошо... Твоя работа, конечно, догонит тебя позже — на улице. Когда отдыхаешь, плаваешь, ешь, просто идешь в обнимку с кем-то — ой, ай, здарсьте, и сказать-то ничего не могут — вот и вернулись твои фильмы. Показали недавно по телевизору фильм «Одинокая женщина желает познакомиться», люди стали подходить: черт возьми, да что же она вас не могла найти-то? А театр — это сейчас, вот в эту секунду тебя поняли или нет, и если не поняли, то, значит, и не поймут никогда. Второй раз человек ведь на один и тот же спектакль не пойдет.

— Ваши слова: «Актерская профессия мучительно прекрасна». Какие прекрасные муки творчества в будущем грозят подарить вам театр? Что можно сказать о новой постановке Марка Захарова «Шут Балакирев»?

— Что это будет — пока никто не знает, прошли только первые репетиции, на которых едва наметили подступы к драматургии, к тому, что написал Горин, и к тому, что переделал Захаров. Еще все идет на ощупь. Я там буду играть прокурора Ягужинского при Петре I. В спектакле есть роль лучше. Но я получил эту. Ее и сыграю.

— Вы, кажется, стоик в своем отношении к театру... Вы здесь и сейчас себя уютно чувствуете?

— Я здесь работаю с замечательными актерами и талантливыми режиссерами и считаю, что на сегодняшний день лучше нашего театра нет. Это уже мои личные проблемы, что мне хочется, чего мне не хочется, что мне здесь удалось или не удалось, есть я или нет меня. Понимаете, это личное. А театр «Ленком» объективно на сегодняшний день — лучшее. Любят нас или не любят, но все нами интересуются.

— А вы сейчас следите за премьерными Вахтанговского театра?

— Не очень. Болит, саднит, я порой даже боюсь ходить туда.

— А со старшим братом, Евгением Федоровым, обсуждаете успехи друг друга?

— Нет. Потому что мы совершенно разные. Я очень люблю своего брата. Надеюсь, и он меня тоже. Но мы по-разному существовали, и воспитание у нас абсолютно разное. Сегодня время нас всех объединило. Мы все друг друга стали лучше понимать, но не в счастье, а в тех проблемах, которые на нас обрушились. Не море, не солнышко, не что-то другое нас объединяет, а то, что висит над нами, над головой, каждый день...

Захаров очень необычный и очень талантливый человек. Он изобретатель. Я все жду: он придумает, что мы в космос взлетим, все вместе с театром